

Валерий Брюсов

**Поэма Асвагоши в переводе К.
Бальмонта**

Валерий Яковлевич Брюсов

Поэма Асвагоши в переводе К. Бальмонта

«Новым выпуском „Памятников мировой литературы“ издательство М. и С. Сабашниковых вновь делает русской литературе ценный подарок. Поэзия индусов и священные письма буддистов до сих пор остаются у нас областями литературы наименее известными...»

Валерий Брюсов

**Поэма Асвагоши в переводе
К. Бальмонта**

«Новым выпуском „Памятников мировой литературы“ издательство М. и С. Сабашниковых вновь делает русской литературе ценный подарок. Поэзия индусов и священные письма буддистов до сих пор остаются у нас областями литературы наименее известными. Между тем знакомство с ними весьма важно и по высокой художественной ценности индусской поэзии, и по громадному историческому значению буддизма. Малая распространенность санскритского языка делает особенно желательным появление переводов с него. Новое издание М. и С. Сабашниковых сразу отвечает двум потребностям: дает перевод и одного из замечательнейших созданий санскритской литературы, и одной из „законоположительных“ книг буддизма, значение которых приближается к значению наших Евангелий. Приходится, конечно, пожалеть, что поэма Асвагоши доходит до русского читателя, так сказать, из третьих рук. Предисловие к книге объясняет, что на санскритском языке сохранились лишь первые 17 песен поэмы. Но еще в V веке нашей эры она была переработана на китайском языке

поэтом Дгармаракша. Эта китайская обработка и положена в основание русского перевода. Так как К. Бальмонт с китайским языком не знаком, он должен был пользоваться переводом поэмы на один из европейских языков, – на какой, переводчик не указывает. Однако такова творческая сила индусского поэта, что даже в третьем отголоске многие части его поэмы производят впечатление неодолимое – простотою и живописностью рассказа и глубиною высказываемых мыслей. Имея в руках лишь „перевод с перевода пересказа“, читатель все же чувствует, что пред ним – создание истинно великое, одно из драгоценнейших сокровищ мировой литературы. Читая поэму Асвагоши, вполне понимаешь, какое безмерное богатство творческой мысли заключает в себе буддизм. Многие из того, что, при передаче в современных философских терминах, кажется нам повторением давно известного, здесь, в поэме, будучи воплощено в художественных образах, приобретает всю яркость новизны и открывает мысли новые кругозоры.

Так как мы не знакомы с оригиналом поэ-

мы Асвагоши и с тем переводом, которым пользовался К. Бальмонт, мы воздержимся от окончательного суждения о его работе. Скажем только, что в ней явно видны все обычные достоинства и недостатки его переводов. К достоинствам относится умение переводчика находить слова яркие и выразительные, говорить сжато и метко. Чутье поэта позволило ему во многих местах (хотя он и пользовался переводом китайского подражания) дать нам почувствовать чистоиндийские приемы мысли и речи. Недостатком мы считаем прежде всего крайне невыработанный словарь. К. Бальмонт словно не знает, что у каждого народа и у каждого века своя речь, а у каждого поэта свой словарь, и переводит одним и тем же языком и Шелли, и Эдгара По, и Кальдерона, и Асвагошу. При всем доверии к переводчику, мы не можем поверить, что все эти поэты писали бальмонтовским языком, с характерными бальмонтовскими оборотами речи. В переводе поэмы Асвагоши славянизмы и народные речения („во садах“, „сребро“, „злато“, „златой“, „стяг“, „болезнь“, „хватать“, „сочетанный“ и т. д.) стоят

рядом со словами, – вряд ли здесь уместными, – заимствованными из новых языков („жеманно“, „свита“, „павильон“, „балдахин“, „бунтовать“, „вазы“ и т. д.), а выражения, свойственные едва ли не одному К. Бальмонту („разлучности упрек“, „внушенья чар“, „влеченья телесных услад“, „от вознесенности к срыву“, „безглагольность“ и т. д.), чередуются с преднамеренными неправильностями речи („возжаждалось выезд свершить“, „был ужаснут“, „был потопшим“, „сокрушился вниз“, „цеплянья“. Недоумение возбуждают и размеры стихов, которыми переведена поэма. Если переводчик не имел возможности приблизиться к размерам подлинника, ему надлежало (при нежелании переводить прозой) избрать стих, не имеющий резких метрических особенностей, но сохраняющий всю силу ритмической речи, – например, пятистопный ямб, столь обычный в нашем эпосе. К. Бальмонт поступил иначе: отдельные песни поэмы переведены у него то ямбом, то хореем, то амфибрахийем, то дактилем, то длинными, то короткими стихами (6-, 5-, 4-, 3-стопными), то с чередованием мужских

и женских окончаний, то без такого чередования. Соответствие этих размеров стиху подлинника и тому, что об нем говорится в предисловии, – весьма сомнительно».